

НАТАЛЬЯ КУПРИЯНОВА

Happy slapping

Наталья Куприянова

Happy slapping

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23141459

ISBN 9785448383052

Аннотация

Happy slapping – один из форматов жестокости, суть которого в снятии насилия на камеру мобильного телефона, чтобы потом обязательно разместить «весёлый» ролик в Интернете. Это явление в молодёжной среде возникло не вчера, но пользуется популярностью и по сегодня. Жертвой может стать любой, кто не вписывается в определённые стандарты, кто не может дать отпор группе разошедшихся подростков...

Содержание

Кастинг на реалити-шоу	5
Минута славы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Happy slapping

Наталья Куприянова

© Наталья Куприянова, 2019

ISBN 978-5-4483-8305-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кастинг на реалити-шоу

Широкий длинный коридор пустовал, словно ещё не открытая земля. Из больших окон струился солнечный свет, убаюкивая и без того сонливую безразличную ко всему тишину. Ещё три минуты можно наслаждаться упоительным забвением и думать, что прикасаешься к необъятному дневному светилу, проводя пальцами по игривым солнечным зайчикам на отдающей прохладой стене. Но это время убежало невыносимо быстро. С каждой секундой его становилось всё меньше и меньше, пока совсем ничего не осталось. И вот когда последние секунды истекли, прозвенел звонок. Тишина растворилась... или затаилась ненадолго в углу, невозмутимо наблюдая, как все двери словно по приказу распахнулись, после чего школа на целых десять минут погрузилась в хаос.

Приветствуя очередную перемену облегчёнными вздохами, школьники, не собираясь тратить своё законное время ни на что другое, кроме активного отдыха, покинули душные классы, с лёгкостью забывая всё, что было сказано за сорок пять минут скучного урока. Вся эта шумная толпа, выбегая в коридор, не замечала то упоительное безмолвие, в котором порой так приятно раствориться, безжалостно прогоняя его визгом и топотом...

Дверь одного из кабинетов открылась позже остальных.

Недовольные ученики наскоро записывали домашнее задание, уже не слыша ничего из того, что говорил учитель. Агата за два года так и не научилась быть строгой, поэтому обречённо вздохнув, умолкла, надеясь на сознательность своих подопечных. Чтобы её не снесли, она присела за стол. Заглянув в классный журнал и не найдя в нём ничего интересного, Агата принялась наблюдать исподлобья, как десятый класс торопливо собирался и так же торопливо, почти строем, выбегал из кабинета. Пока она была занята своими наблюдениями, журнал уже кто-то успел умыкнуть прямо у неё испод носа. Обнаружив это, она почти не удивилась, хотя привыкнуть к такой суматохе не могла. Почувствовав усталость и радость, что четыре урока позади (хоть в чём-то она похожа на своих учеников) Агата закрыла глаза. Но всё ещё доносившийся до её слуха шум заставил открыть их снова. Осмотрев практически пустой класс, она остановила взгляд на Ане Росиной, по-видимому, никуда не спешившей в отличие от своих сверстников. Копошась, нарочно или потому что была такой от рождения, девушка медленно складывала книги и тетради в сумку, потом ручки, карандаши... Такая медлительность раздражала, но Агата догадывалась, что Аня всего лишь хотела уйти последней, раз первой не получилось.

Когда их глаза встретились, Аня тут же отвернулась. Кое-как поправив хвост, она, опустив голову, направилась к выходу. В этот момент одноклассник обогнал её, толкнул, и,

словно не заметив, пошёл дальше. Аня промолчала. Но Агата не смогла:

– Костя! Ты не видишь, куда идёшь?

Парень остановился, повернулся, устремив на молодого педагога мутные глаза, отчего Агате стало не по себе. В них отчётливо читалось безжалостное признание ко всем и ни единого намёка, что именно сформировало такое сногшибательное мировоззрение. О том, что Константин Тулин не имел серьёзных увлечений и мало-мальски полезных занятий, Агате было известно, но о последствиях такого абсолютного безразличия она задумалась только сейчас.

Тулину подобные мысли в голову не приходили, поэтому переживать ему было не о чем. Вот и сейчас он совершенно искренне не понял, зачем его остановили, но и уточнять не торопился. Пришлось учителю сделать это за него.

– Ты толкнул Аню. – Агата перевела взгляд на окончательно поникшую девушку. – Извинись перед ней.

Костя взглянул на одноклассницу, уставившуюся от смущения в пол.

– Я её не заметил, – сказал он, недолго думая.

Не поверить его словам было невозможно.

– Теперь заметил?

Наконец, до Кости дошло, чего от него ждут, и он сквозь зубы процедил:

– Извини.

И больше ничего. Когда Костя ушёл, Аня, не промолвив

ни слова, вышла из класса, столкнувшись в дверях с учителем географии. Тихо поздоровавшись, и не услышав ответ, она исчезла, словно её и вовсе не было.

– Привет, – весело поздоровалась с подругой Светлана Сергеевна.

– Привет, – ответила Агата, покосившись в сторону. Говорить ни с кем не хотелось, но как об этом сказать?

– Что такая грустная? Плохо прошёл урок?

– Нет... Нормально... Как всегда... Да я и не грустная вообще. Просто посмотрела на тихую Аню и невоспитанного Тулина, и задумалась.

Увидев на лице подруги недоумение, Агата поспешила объяснить:

– Тулина ты не можешь не знать. И Аню Росину тоже... Девушка, с которой ты столкнулась в дверях только что.

– Я с кем-то столкнулась в дверях? – Света пожала плечами. – Не заметила... А в чём дело?

– Просто... Просто она такая скромная и тихая... Как она собирается жить?

В лёгком недоумении Света присела напротив подруги.

– Она только в десятом классе. У неё ещё есть время измениться.

– В какую сторону? В лучшую или... по наклонной?

– Ну, это ей решать.

– Тулин толкнул её и даже не заметил. – Продолжила Агата после непродолжительного молчания. – Наверное, для

него это обычное дело – никого не замечать. Аня ни слова не сказала в ответ – приняла, как должное.

Света собиралась поговорить на совершенно иную тему. Но, поразмыслив, решила уступить.

– Такое поколение. Есть только сильные и слабые... Победители и проигравшие.

– Нет... это не так... Всё зависит от воспитания и от той среды, в которой каждый находится. Если ничего не вкладывать в ребёнка – такой и будет результат... Знаешь, я думаю, что мы – учителя – тоже виноваты в равнодушии и эгоизме подрастающего поколения...

– Скажешь тоже. – Света удивлённо повела бровью. – У всех учеников есть родители и свои головы на плечах. Мы не можем думать за всех, жалеть всех... Такова жизнь.

Агата отвернулась.

– Что? Что такова я сказала?

– Ты действительно так думаешь?

– Просто я реалистично смотрю на мир и не стремлюсь его изменить. Лучше думай о себе, ведь о тебе никто, кроме тебя самой, не подумает.

Агата молчала – то ли думала над ответом, то ли просто так.

– ...Всё-таки не просто в школе работать...

– Ты уже третий год здесь. Пора привыкнуть.

– Ты, как я погляжу, привыкла.

– Я не собираюсь заниматься перевоспитанием. Если их

родителям всё равно, мне тем более.

– На всё закрыть глаза?

– Тебе с ними мучиться два года. А их предкам – всю жизнь. Пусть они и думают. Если им удобно не заниматься воспитание своих детей – ты ничего не сможешь сделать. А, обращая на всё внимание – ты здесь долго не проработаешь.

Звонок оборвал поучительную речь Светы. Расстроившись, она даже надулась, обидевшись на время.

– Ну вот. Перемена пролетела. А я хотела тебе рассказать о моём вчерашнем свидании.

– В мелких подробностях и с использованием ненормативной лексики? – Агата улыбнулась в ответ на выпученные глаза подруги и быстро добавила: – Расскажешь на следующей перемене.

– Молчать об этом ещё сорок пять минут!?

– Это серьёзное испытание. Надеюсь, твои эмоции не помешают тебе вести урок.

Света встала, и только тогда задумалась над пустым кабинетом.

– А где твой класс?

Агата поставила локоть правой руки на стол, запустив пальцы в каштановые волосы:

– У меня «окно».

– Хорошо тебе. Отдохнёшь.

– Отдохну потом, дома. А сейчас займусь делами, чтобы не задерживаться в школе.

Уже в дверях Света обернулась.

– Не забудь, что сегодня после шестого урока педсовет.

– С радостью бы забыла.

– Не хочешь поздравить Дарью Денисовну с юбилеем?

Шестьдесят лет – это возраст.

Агата вздохнула, выразив своё отношение к предстоящему празднику. Зная ответ, она всё-таки спросила:

– Можно ли пропустить это мероприятие?

– Яковлева никогда тебя не простит. До конца жизни будет напоминать, что ты позволила себе проигнорировать такое важное событие. А может, и после смерти. Ты же не хочешь иметь персональное приведение?

– Не хочу.

– Тогда не забудь заглянуть в учительскую... Улыбку тоже не забудь натянуть.

– Чтобы я делала без твоих советов?

Когда Света ушла, Агата откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Тишина... Наконец-то тишина на сорок пять минут.

Затаив дыхание, Агата открыла дверь и вошла. Все так были заняты столом, что, повернув головы и убедившись, что это не виновница торжества, отвернулись в тот же миг, продолжив прерванные дела. Агата не расстроилась, что к ней проявили так мало внимания. Лишь Света подбежала, схватив за руку.

– Ну что так долго? – Шёпотом спросила Света.

– Класс не могла закрыть. Замок заедает.

– Вот было бы шуму, если бы ты позже ДД пришла.

– Какое счастье, что я всё же оказалась здесь раньше неё.

Агата представила недовольное выражение лица Дарьи Денисовны и сделала вывод, что ей действительно повезло. Она только успела подойти к столу, как снова услышала шёпот подруги:

– А вот и она... Улыбнись.

Тучная женщина ростом выше среднего зашла в учительскую. Педагогический коллектив ринулся к ней. Цветы, поздравления и пожелания звучали со всех сторон. Дарья Денисовна расплылась в улыбке, выразив на своём лице искреннее удивление. Насколько искренним оно было, Агата догадывалась. Но, как и все, сделала вид, что верит.

– Спасибо, спасибо. Как неожиданно. Ой, какие цветы... Галина Алексеевна, ваши слова мне душу греют. Спасибо... Ой, вы и стол накрыли? Мм... Слушайте, как приятно. Вы мне устроили настоящий праздник.

– Ну да. Праздник без застолья – не праздник.

– Тише, Света. Тебя слышат.

– Да я и так шепчу.

Под чутким руководством директора школы и пристальным наблюдением ДД, как называли Яковлеву некоторые коллеги, все наконец-то уселись за стол. Прозвучал долгожданный первый тост, а потом и второй, и с третьим

не медлили. . . Когда бутылки наполовину опустели, а расстояния сократились, коллектив дружно расслабился и разбился на группы. Отголоски разговоров на отстранённые темы убедили Агату в том, что уже пора прощаться. Но осуществить своё намерение она не успела. Дарья Денисовна, пристально взглянув, остановила её вопросом:

– Агата Георгиевна, вы плохо выглядите. Ученики вас изматывают?

Агата не возмутилась, лишь огорчилась, что сбежать не удалось.

– . . . Не настолько, чтоб запустить себя.

– Но вид у вас усталый.

– Исправлюсь.

– Что же ты, Агата, всегда делаешь так, что потом исправлять приходится? – Недоумённо спросила Екатерина Федосеевна. Довелось ей учить Агату в младших классах – всего-то три года, но сложившееся в то время мнение об одной из своих «странных» учениц сохранилось и по сей день, хоть было это давно, и в другой школе. . .

– Карма у меня такая, Екатерина Федосеевна: доходит всё со второго раза, чем вам угодить не могу.

– Ох, я тебя не понимаю.

– В этом нет сомнений.

Пока Екатерина Федосеевна соображала, как ей реагировать на слова бывшей ученицы, Дарья Денисовна поспешила продолжить разговор:

– Агата Георгиевна, берите пример с вашей коллеги. Вот Светлана Сергеевна цветёт и пахнет.

Света, услышав комплемент в свой адрес, улыбнулась.

– Спасибо, Дарья Денисовна.

– За что? Я ведь правду говорю. Вы, Светочка, всегда выглядите превосходно. Наверное, скоро всех нас на свадьбу позовёте?!

– Может быть, может быть...

Игривый тон и добавленная к нему улыбка – именно то, что отличало Свету от подруги. А ещё модная стрижка, иногда слишком откровенные платья, на которые уже попросту закрывали глаза ввиду того, что ничего с этим не могли сделать, и, конечно же, поведение. Света очень не любила чопорность, под которой она подразумевала всё, что отдаляет учителя от учеников. Ей вообще было сложно держать дистанцию, особенно со старшеклассниками. А в ответ на упрёки она советовала Агате последовать её примеру и убедиться, что ничего в этом предосудительного нет.

– А вы, Агата Георгиевна, не собираетесь нас порадовать в ближайшее время?

– Только в том случае, если встречу принца на белом коне, – спокойно ответила Агата, сложив руки на груди.

– Зачем вам принц? Хотите стать принцессой? – Щетников – учитель физики – поспешил приобщиться к разговору.

– Хочу, Игорь Константинович, – небрежно бросила Агата.

– Тогда лучше сразу за короля. Чего уж размениваться по мелочам.

– Размениваться по мелочам – это согласиться на свидание с вами.

Ехидная улыбка всё равно не исчезла с вытянутого лица с тонкими чертами. Щетников принял сказанное коллегой за шутку, хоть знал, что в брошенной Агатой фразе ни доли юмора.

– Не припоминаю, чтобы я вам предлагал.

– Откуда же взяться такой смелости?

Продолжать разыгрывать непонимание было бесполезно, отчего Игорь Константинович отвернулся, чем воспользовалась Дарья Денисовна.

– Знаете, Агата Георгиевна, принца можно всю жизнь ждать и так и не дожидаться. А вам пора замуж выходить. Вам ведь уже двадцать девять...

– Почему – уже? Всего лишь двадцать девять.

– Годы летят... – продолжила Яковлева рассуждать. – Оглянуться не успеете, как и у вас будет вот такой же юбилей, как сегодня у меня.

– Не факт. Может, я не доживу. – Агата отвернулась, давая понять, что разговор ей надоел. Но это не помогло.

– Ну что вы говорите? Работа у нас нервная. Но это не помеха для долгой и счастливой жизни. Просто не нужно всё принимать близко к сердцу.

– Не всё, и не так уж и близко.

- Вы слишком восприимчивы.
- Не слишком.
- Это ведь не ваши дети, чтобы за всех переживать.
- Я и не переживаю за всех.
- Для этого у них есть родители.
- Как же нам всем повезло.
- Вы что-то сказали?

Агата повернула голову и улыбнулась:

- Ничего важного.

В разговор вмешалась Света, а потом ещё кто-то, и Дарья Денисовна переключилась на других, чему Агата была несказанно рада. Ей не хотелось высказываться и слушать высказывания других на тему учительства. Всё равно каждый останется при своём мнении. К тому же Агата не любила, когда ей давали советы, пусть даже учителя с внушительным стажем работы. От ошибок чужой жизненный опыт не уберёжёт.

Ещё многое было сказано и тут же забыто за праздничным столом. Но всё когда-нибудь заканчивается, вот гости и стали расходиться.

Переступив порог школы, Агата остановилась, вдохнула поглубже и устремила глаза в небо. Маня высотой, оно молчало, упорно не отвечая ни на один вопрос. Но сегодня неразгаданные тайны ничуть не тревожили. Улыбнувшись просто потому, что настроение хорошее, Агата не спеша спустилась по ступенькам. Капризный сентябрь расщед-

рился, радуя почти по-летнему тёплыми деньками. Обласканная солнцем и едва уловимым ветерком, она не пошла по привычному для неё маршруту, а выбрала иное направление. Всё-таки нужно хоть иногда что-то менять в своём обыденном существовании. И пусть для кардинальных перемен нет ни причин, ни смелости, выбрать другую дорогу домой – уже что-то новое.

Приземистые пятиэтажки, мрачноватые на вид, сменялись плоскими высотками, напоминавшими коробки. Скучные из-за серой одинаковости, они смотрели на Агату сотнями окон, ничего не выражая. За разноцветными занавесями скрывалось обыкновенное безразличие, и долго в него всматриваться Агате не хотелось. Скользя по незнакомым домам незаинтересованным взглядом, она проходила мимо, забывая о них в ту же секунду.

Когда школа скрылась за многочисленными поворотами, Агата оглянулась удостовериться, что четырёхэтажное здание уже не видно. Неприязни к своей работе она не испытывала, но и большого морального удовлетворения тоже не получала. Агата и сейчас не до конца понимала, что её подвигло устроиться в школу учителем. Никогда она об этом не мечтала. Единственным вразумительным объяснением странного выбора была патологическая нелюбовь к застою. Часто менять маршруты и коллективы, конечно же, не её правило жизни, но отсутствие кардинальных сдвигов и сильных чувств толкали на необычные поступки. И пусть многие

идеи оказывались хороши только на первый взгляд, Агата продолжала верить, что ошибаться человечно, поэтому расстраиваться из-за неудач стоит, но останавливаться – нет.

По истечению двух лет работы в школе, она окончательно поняла, что это не её стезя. И не работа с подростками утомляла, а правила и жёсткие рамки, в которые она попала. Но всё бросить и уволиться Агата пока не решалась. Она понимала, что нужно время, чтобы привыкнуть к атмосфере невысокого здания. А ещё нужна любовь к своему ремеслу, но её, увы, не было изначально. Просто судьба на каком-то повороте занесла её именно в школу. Это всего лишь неудачное стечение обстоятельств. Да и в центре занятости ничего другого ей предложить не смогли. Работы много, а подходящей нет. Идти с университетским дипломом, пусть даже свидетельствующим об историческом образовании, как оказалось – никому не нужном, консультантом в магазин не хотелось. Вот и пришлось на данном этапе жизни познавать все тонкости педагогического мастерства. Что ж, лишним это не будет. Возможно, и эти знания когда-нибудь пригодятся.

Увлёкшись своими размышлениями, Агата не заметила красный цвет на светофоре, отчего даже не подумала остановиться на обочине дороги. Резкий звук тормозов в нескольких шагах почти оглушил. Замерев, она повернула голову. Испуг в глазах водителя быстро сменился возмущением. Выскочив из машины, он в одно мгновение оказался возле Агаты, нависнув над ней.

– Вы не видите, что красный горит?

Агата смутилась.

– ...Нет. Не видела.

– Вам повезло, что я затормозил вовремя.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Агата.

Отсутствие агрессии со стороны девушки смягчило строгое лицо и разгладило складку между бровями.

– Переходите дорогу аккуратней. В следующий раз может и не повезти.

– Прислушаюсь к вашим словам... Извините.

Агата быстро перешла остаток дороги, боясь оглянуться. Уже находясь на недосягаемом расстоянии, она остановилась и выдохнула. Но так и не смогла успокоиться.

Воспоминания отвлекали Агату. Она забывала об учениках и устремляла свой затуманенный взор за прозрачные оконные стёкла, не замечая разводов. Мысли – непослушные, неуправляемые – уносили её куда-то вдаль, слегка задевая верхушки деревьев. Снова и снова она прокручивала в памяти недавнее, вроде бы незначительное событие, о котором не вспоминать не получалось. Начинала с дороги, потом припоминала незнакомые лица прохожих и застывшие дома, свои размышления о школе и о жизни... и тут визг тормозов врезался в сознание. Тогда Агата вздрагивала и возвращалась в реальность, в которой она была учителем, и сидела перед ней двадцать восемь человек. Благо ученики за-

няты написанием контрольной работы, и поэтому не нужно блистать знаниями и красноречием. Но окинув взглядом класс, Агата поняла, что её невнимательностью воспользовались. Она почти не удивилась, когда заметила, что Кирилл Кивайко и Константин Тулин занимаются отнюдь не тем, чем должны. Сосредоточив всё своё внимание на мобильном телефоне, они приглушённо смеялись, закрывая рты ладонями. Изредка посматривая на Агату, они всё равно не замечали немых предупреждений учителя.

– Может, вы всё-таки займетесь контрольной работой?

Агата не любила делать замечания, и расстраивалась, когда её к этому принуждали. Особенно не нравился ответ:

– Мы пишем.

А на деле два старшеклассника продолжили, как ни в чём не бывало развлекаться.

– Вы занимаетесь чем угодно, но только не контрольной. Сделайте над собой усилие и напрягите мозги. Сейчас именно такой момент, когда это необходимо.

Занявшись, наконец, контрольной, или сделав вид, Кирилл и Костя принялись за работу. Но так как знания отсутствовали совсем, они вновь вернулись к прежнему занятию. Какой смысл смотреть на белые тетрадные листы, если ничего написать не можешь? Телефон со всем его содержимым куда увлекательней.

Не выдержав, Агата подошла и забрала телефон.

– Получите его после урока, – строго сказала она.

– Как же так? Он нам нужен...

– Займитесь делом. Или уже сейчас можно ставить вам по два бала?

Ответ не последовал. То ли они были согласны с её предложением, то ли не знали, что ответить. Присев за свой стол, Агата положила модную игрушку как можно дальше от себя, не находя в ней ничего интересного.

Дописав контрольную корявым почерком, на что ушла почти вся перемена, Костя кинул тетрадь на учительский стол и быстро ушёл, не вспомнив о телефоне. Агата тоже позабыла о нём. Так он мирно и пролежал до конца шестого урока и напомнил о себе, когда ключ уже был в замке. Режущая слух мелодия сначала удивила, а потом озадачила. Света никак не могла понять, откуда доносится незнакомая музыка, тогда как Агата, тяжело вздохнув, открыла дверь и вновь зашла в класс. Подойдя к столу, она скривила губы.

– Тулин забыл забрать свой телефон. Что теперь с ним делать? – Агата вопросительно взглянула на подругу. – Оставить здесь?

Света, стораю от любопытства, быстро подошла.

– Вау! Классный телефон. Вернее, айфон. В нём столько наворочек... столько всего... Какой же он стильный. Я тоже такой хочу.

– Света, сейчас речь идёт не о твоих желаниях.

– А жаль... Если это айфон Тулина, что он делает у тебя?

– Конфисковала. Вместо того чтоб писать контрольную,

он и Кивайко развлекались. Вот я и забрала этот... айфон, будь он неладен. Сколько раз просила отключать телефоны, и не доставать их на уроке. Все мои просьбы впустую...

Пока Агата гадала, как ей поступить, Света выхватила телефон из её рук и принялась его рассматривать. С недоумением взглянув на подругу, Агата не сразу задала вопрос:

– Ты что делаешь?

– ...Мм... так... Посмотреть хочу. Когда у меня появиться такой – неизвестно. Не могу же я упустить возможность подержать его в руках и познакомиться получше.

– Тебя не смущает тот факт, что ты копаешься в чужом телефоне?

Света даже не подняла голову:

– Ой, какая ты щепетильная. Что тут такого?

– Света, перестань, – пыталась вразумить подругу Агата.

– Не будь занудой, – буркнула Света, не отрывая глаз от большого экрана. – Я только посмотрю, что интересного здесь есть... О... Тулин себя любит. Полно его фоток...

– Неужели тебе интересно?

– Интересно... где это он отдыхает?

– В Турции или в Египте, – равнодушно предположила Агата.

– Нет. Не похоже.

– А ты откуда знаешь, похоже, или нет?

– О...

– А теперь что?

– Посмотрим видео?

– Ну, это уже слишком.

Света, наконец, подняла глаза, намеренно прищурившись.

– А вдруг они тебя снимали? Думаешь, не могли?

– Вряд ли. Зачем им это нужно? – насторожилась Агата.

– Вот есть ролик с интересным названием.

– Каким?

– «Историк».

– Ничего интересного.

– Уверена, что не хочешь взглянуть?

Таинственно-заговорщицкий вид подруги воздействовал на Агату. Поддавшись искушению, она уставилась на экран.

– Так и быть. Давай посмотрим.

На видео была не Агата, что порадовало. Но эта радость была единственной. Всё остальное, что было заснято, шокировало. Незнакомый мужчина вёл урок... вопреки всему. Хватало же ему мужества стоять возле доски, рассказывать о каком-то историческом событии и не замечать летящих в его сторону скомканных листов бумаги, не слышать, как его обзывают «шлюхой» и «лосем». Как можно сохранять такое хладнокровие Агата не понимала. Зачем делать вид, что ничего не происходит? Зачем терпеть это унижение?

Класс в буквальном смысле стоял на ушах. Обыкновенный детский смех звучал устрашающе, безжалостно обнажая душевную пустоту. Образ педагога был растоптан, раз-

мазан как ненужные надписи на коричневой доске. И если бы не это видео, Агата никогда бы не поверила, что такое могло быть на самом деле. Эта запись, сделанная с умыслом, служила доказательством... чего? Беспомощности учителя или чудовищной жестокости учеников старшего класса?

Пять минут Агата молчала, не в состоянии подобрать слова. Придя, наконец, в себя и оставив возмущения на потом, она спросила:

– Ты знаешь, кто это?

– Знаю. – Света опустила глаза. Бледная и растерянная, она долго молчала, и ответила, когда тишина стала невыносимой. – Это Савенко Александр Петрович. Он работал здесь учителем истории до тебя. Уволился после этого...

– Ты мне ничего не рассказывала.

– Не хотела тебя пугать. К тому же, этого класса уже нет.

– А видео до сих пор существует.

– Этот... ужасный случай в прошлом.

– Вряд ли такое можно забыть.

Аккуратно положив телефон на стол, Света прижала сумку к себе, сделав шаг в сторону двери.

– Пойдём. Задержались мы...

– Да...

Какой же неожиданностью было появление Тулина. Выражение лица не изменилось, что совсем не удивило Агату. Взглянув на него с долей презрения, она отвернулась. Почему-то Агата была уверена, что именно этот ролик он и Ки-

вайко смотрели на уроке, и давились от смеха.

– Я телефон хочу забрать.

Агата сглотнула.

– Забирай.

Взяв телефон со стола, Тулин исчез так же быстро, как и появился. Теперь возмутилась Света:

– Экземпляр... Ни «здравствуйте», ни «до свидания»...

– Он не забивает себе голову такими мелочами.

...Зайдя в квартиру, Агата не стала включать свет. Опершись об стенку, она бросила сумку на пол и, не нагибаясь, медленно разула туфли. В таком же замедленном темпе стянула лёгкий розовый шарфик, обмотанный вокруг горла, и забросила в шкаф. Уставившись на своё отражение, она почти сразу отвернулась, чтобы не видеть той необъяснимой грусти в глазах двойника, от которой становилось не по себе. Смотря в одну точку, она замерла, словно заколдованная. Так и стояла, погружённая в свои мысли, забыв о времени, о мире за пределами этих стен... Полумрак в маленькой прихожей успокаивал, и пусть настроение не улучшилось, буря в душе постепенно шла на убыль.

Десять минут тишины подействовали. Вздохнув, Агата взяла сумку и прошла в комнату. Переступив деревянный порог, она как будто очутилась в иной реальности. Солнце ослепило её, отчего пришлось зажмуриться на долю секунды. Когда Агата открыла глаза, она улыбнулась и развела руки, как будто хотела обнять источник тепла и света, за-

ключить в свои объятия, без слов выразив признательность. Кто бы мог подумать, что хорошая погода может так радовать. Всё, что мучило всю дорогу, сгорело в ласковых лучах. Мир преобразился... или он всегда такой, а она не замечает?

Телефон затрезвонил в неподходящий момент. Агата не ответила, проигнорировав попытку дозвониться до неё. Когда снова стало тихо, она подошла к окну, устремив глаза в голубое пространство. Вот так бы и стояла, но телефон вновь подал признаки жизни, настойчиво требуя хозяйку. Агата не выдержала и сдалась, когда увидела на экране знакомое имя. Не хотела молчанием обидеть.

– Сколько можно звонить? Ты где ходишь? – недоумевала Света, не скрывая недовольства.

– Здравствуй. Давно не разговаривали... Каких-то двадцать минут назад...

– У меня к тебе предложение.

– ...Какое? – равнодушно спросила Агата.

– Идём в кино.

– Когда?

– Вечером.

– С чего вдруг?

– Понимаешь, у меня свидание... – начала Света объясняться.

– А я тут причём?

– Саша будет не один, а с другом.

– И что?

– Агата, не морозься.

– Зачем твоему милому Сашеньке друг? Он что тебя боится?

– Друг сам напросился.

– Но я-то не напрашивалась.

– Ну, пожалуйста, – взмолилась Света, и Агата поняла, что деваться ей не куда.

– Так и быть. Но больше о таком не проси.

– Ладно, ладно. В семь. Возле кинотеатра будем тебя ждать. Не опаздывай.

– У меня нет такой привычки.

– Ну да, ты же пунктуальный человек.

– Да. Я пунктуальный человек. И с чего мне опаздывать? Я же, в отличие от тебя, не иду на свидание.

– Как знать.

– А тут и знать нечего. Всё известно наперёд.

Когда подошло время, Агата оделась и вышла. В подъезде встретила соседа Дмитрия Алексеевича. Поинтересовавшись, как у сына дела в школе, он получил предложение зайти к классному руководителю для подробного отчёта.

– В школу ходит жена, – оправдался сосед.

– Но ведь можно сделать исключение, – отозвалась Агата. – И добавила: – Участие отца пойдёт на пользу робкому, нерешительному мальчику одиннадцати лет. Не только в вопросах учёбы, но и вообще... Как известно, возраст, хилость и замкнутость привлекают любителей самоутвер-

ждаться за чужой счёт.

– Вы о моём сыне говорите?

– Да, именно о нём.

– Я и не подозревал, что у Жени есть проблемы со сверстниками! Он пару раз приходил домой побитый... Но все мальчишки дерутся... – улыбнулся Дмитрий Алексеевич.

– Но не у всех это отражается на учёбе.

– Женя никогда не жаловался...

– Как и должны поступать мужчины. А родители разве не замечают перемен в поведении сына?

– ...Я поговорю с ним.

– Лучше отведите сына в какую-нибудь спортивную секцию и... загляните в школу. А сейчас мне нужно бежать. Всего хорошего, Дмитрий Алексеевич.

– До свидания, Агата Георгиевна.

Распрощавшись с соседом, Агата прибавила шаг, взглянув на часы. Вечер выдался холодным. Порывистый ветер нагонял тоску по жаркому лету. Всю дорогу от остановки до кинотеатра Агата шла, плотно прижимая руки к груди, пытаясь согреться. Не единожды пожалев, что позволила себя уговорить, она уже готова была повернуть обратно. Оправдаться будет не сложно, но Агата не свернула с намеченного пути. Не хотела никого разочаровывать, в особенности себя.

Ещё издали она заметила Свету: она стояла одна, высматривая, по-видимому, подругу. Увидев, улыбнулась и помахала

ла рукой.

– Привет, привет.

– Ты одна? – спросила Агата, подойдя вплотную.

– Нет. Но... так получилось... – Света замялась на секунду. – В общем, друг не придёт. У него какое-то срочное дело.

– Почему же ты мне не позвонила? Я бы тоже не пришла.

– Это выяснилось буквально десять минут назад.

Света виновато поджала губы. Взглянув на неё, Агата рассмеялась.

– Что? Что такое?

– Похоже, ты расстроилась из-за этого. И напрасно.

– Ты нам не помешаешь. Саша пошёл за билетами...

– Останови его. Я не пойду.

– Агата, ну пожалуйста, идём. Я и так чувствую себя виноватой, а если ты вот так вот уйдёшь, то вообще места себе не найду от переживаний.

Догадываясь, что сейчас её начнут уговаривать, Агата решила: раз пришла, то стоит посмотреть фильм, выбранный подругой. Тёмный зал и большой экран избавляли от всего, что сулило первое знакомство – чувство неловкости, поиск тем для разговора, придумывание вопросов и ответов. Не наделённая даром болтать без умолку, Агата поблагодарила мысленно неявившегося друга и Свету за кинотеатр, не подозревая о стольких плюсах выбранного ею места свидания.

После киносеанса Агата попрощалась с подругой и «ми-

лым мальчиком» – по-другому его не назовёшь, и пошла в сторону остановки. Ждать пришлось недолго. Из полупустого трамвая никто не вышел, и никто кроме неё не зашёл. Быстро преодолев три ступеньки, она услышала, как за спиной закрылись двери. Заплатив за проезд, Агата отвернулась к окну, рассматривая пронесившиеся перед глазами витрины магазинов, прохожих, если успевала, машины... Вечер уже не казался холодным. Наоборот, теперь он приглашал на прогулку. И Агате захотелось выйти из трамвая и пройтись не торопясь, останавливаясь там, где пожелает. Позволить себе не следить за временем, конечно же, немислимая роскошь, но сейчас ей это по карману. Её никто не ждёт, никто не смотрит на часы каждые пять минут, задаваясь вопросом: «*когда же Агата придёт?*». От этих мыслей стало немного грустно... Вот ещё один повод ни в чём себе не отказывать.

На одной из остановок в вагон буквально влетела группа то ли обкуренных, то ли подвыпивших подростков. А заподозрили их в приёме допинга по причине неадекватного поведения, благодаря которому молодые люди сразу же привлекли к себе всеобщее внимание. Громкий смех без повода и глупые реплики, сказанные на весь трамвай, заводили их ещё больше. Создавалось впечатление, что школьников просто распирает от гордости. То ли возрастом своим гордились, то ли отсутствием даже намёка на воспитание? Немногочисленные пассажиры бросали на чересчур весёлую

компанию недовольные взгляды, некоторые даже возмущались (не слишком громко), но это не действовало. Какое дело неугомонным подросткам до остальных?

Кондуктор, предугадывая события благодаря житейскому опыту, неохотно встала и подошла, соблюдая дистанцию. Судя по её виду, сказать она хотела много, но попросила лишь оплатить проезд, что искренне удивило буйных пассажиров. Ведь школьникам положен бесплатный проезд. Только вот документы, гарантирующие такой проезд, отсутствовали. *Ну что сделать, забыли.* Причём все сразу. Терпеливо выслушав сначала объяснения, а потом и возмущения, кондуктор повторила свою просьбу. Ответ последовал незамедлительно:

– Да нам... две остановки, – заикаясь, начал самый смелый. – Чего мы должны платить за Д В Е остановки? – Возмущённо спросил он же, выделив в своей речи слово «две».

– Оплачивайте проезд или выходите, – невозмутимо повторила женщина.

– Нет денег. Ясно? Закончились.

– На пиво есть, а на проезд нет?

– У нас проездные, не слышали, что ли?

– Предъявите.

– Та дома они, дома. Чего, домой сбегать?

– Тогда выходите.

– Да заплати. Пусть отстанет, – брезгливо сказал другой, словно предлагал сделать большое одолжение.

– Чего я должен платить? Я же сказал: денег нет. Карманы вывернуть?

Нежелание подчиняться общепринятым правилам окончательно вывело из себя остальных пассажиров. С первых секунд проникнув к подросткам антипатией, теперь они не стеснялись выказывать своё недовольство. Посыпались взаимные оскорбления. Слов никто не подбирал, и уступать никто не собирался.

Агата вышла, предпочтя остаться в неведении, чем же закончится неприятная история. Проводив трамвайчик взглядом, она облегчённо вздохнула, когда он исчез за поворотом. Оглянувшись по сторонам, Агата, не выбирая направления, пошла наугад. Город пестрил огнями. Нарядно украшенные витрины манили к себе, навеивая иллюзии о сладостных моментах жизни. Но Агата беспечно проходила мимо, не веря призрачным обещаниям. Голубые глаза выдавали хорошее настроение. А то, что оно было с примесью грусти, не огорчало. Так даже лучше. Бесшабашная радость была ей не по нраву. Агата считала, что именно это разлагает самое ценное, что есть у человека – душу. И не важно, что так думала только она. Смотреть на жизнь своими глазами и иметь собственные суждения не так уж и плохо.

Надышавшись пьянящим вечерним воздухом и налюбовавшись сверкающим городом, Агата отправилась домой. Спальный район, в котором она жила, сильно отличался от центра. Магазины не такие стильные, огни не слишком яр-

кие... Да и вообще привлекательного мало. Резкий контраст повлиял на настроение. Оно быстро скатывалось куда-то вниз, неуклонно приближаясь к нулевой отметке. Опять возникло горькое чувство... унынья.

Сойдя с трамвая, Агата перешла дорогу. Несколько горящих фонарей – единственный источник света – почему-то погасли именно, когда она появилась. Тёмная безлюдная улица настораживала, заставляя ускорить шаг. Но проходя мимо гаражей, Агата остановилась. Сначала она подумала, что ей послышалось, и пошла дальше, но сделав несколько шагов, притормозила. Всё-таки кто-то плакал. Негромко, глотая слёзы, прикрывая рот то одной рукой, то другой. Видимо, чтобы не привлекать внимания. Чьё? Улица одинока как никогда. Даже удивительно.

Агата подошла ближе и присмотрелась. Ей удалось разглядеть девичий силуэт, но приблизиться к нему не решалась.

– Что случилось? Почему вы плачете?

Девушка не ответила. Даже не пошевелилась. Только негромкое всхлипывание свидетельствовало, что перед Агатой не каменная статуя, а живой человек. Она подошла ещё ближе, и только тогда та, которая издавала печальные звуки, немного ожила.

– Всё в порядке.

И отвернувшись, спрятала заплаканное лицо, как будто его можно было разглядеть в темноте. Поверить в то, что «всё

в порядке» сложно, но не затевать же по этому поводу спор? Навязывать себя не в правилах Агаты. И сейчас, не изменяя себе, она ушла бы, но этот голос, тонкий и дрожащий, перевернул всё в душе. Он был ей знаком. Она слышала его, и не один раз. И сразу узнала.

Подойдя к девушке, Агата взяла её за плечи и развернула к себе.

– Аня, что с тобой? Что случилось?

В ответ Аня только замотала головой, не в состоянии выдать из себя ни слова.

– Кто тебя обидел?

Поняв, что бесполезно задавать вопросы, Агата обняла Аню за плечи.

– Пойдём. Я проведу тебя домой.

Как по заказу зажётся фонарь. Всего лишь один, но этого было достаточно, чтобы разглядеть порванную одежду и ссадину на лбу, которая ко всему ещё и кровоточила.

– Да что же с тобой произошло?

Аня, казалось, не слышала ничего. Слёзы катились по щекам тонкими ручьями. Погружённая в себя, она принялась бормотать, пряча лицо в ладонях. Обрывки фраз сложно было связать воедино. Расспрашивать не имело смысла. Вместо этого Агате хотелось утешить, успокоить девушку, чтобы хрупкие плечи перестали дрожать.

– Я отвезу тебя в больницу.

Реакции не последовало. Тогда Агата повторила медлен-

ней и громче. На этот раз Аня услышала, и идея ей не понравилась. Но Агата и не думала уступать.

Выйдя к дороге, Агата задумалась, как же ей доставить Аню в больницу. Не на трамвае же они поедут. Вызвать такси? Ни одного номера Агата не знала. Оставалось только ловить попутку. Она взглянула на часы: время позднее. Если бы не обстоятельства, она бы на такое не решилась... Вот именно, что обстоятельства. Отбросив все сомнения, Агата вытянула руку. Одна из машин сначала проехала мимо, потом затормозила и вернулась. Ещё не успев наклониться к окну, Агата уже услышала вопрос:

– Вам куда?

– ...В больницу... Отвезете?

– Садитесь.

Агата обрадовалась, услышав положительный ответ. Усадив Аню на заднее сиденье, она села рядом. Уточнив ещё раз куда именно ехать, больше Агата не произнесла ни слова за всю поездку. Впрочем, водитель тоже был безмолвен. Никаких вопросов и реплик, ни одной попытки заговорить. Любопытство не мучило незнакомца, и это Агату вполне устроило.

Аня уже не плакала. Уставившись в одну точку, она молчала, оставаясь ко всему безучастной. Достав из сумки платок, Агата кое-как вытерла кровь на лбу и на щеке. Но Аня, казалось, и этого не заметила. Мыслями она была так далеко, что достучаться до неё не представлялось возможным.

...Больница... Как же Агата не любила больницы. Эти длинные выкрашенные в белый цвет коридоры, люди в таких же белых халатах... Здесь цвет чистоты обезличивал, и все, кто попадал сюда, сливались воедино, становились однородной массой. Агате казалось, что от долгого нахождения в этих стенах сознание утрачивает ясность, расплавляется, расплывается, напоминая картины непревзойдённого Дали. Предчувствуя, что скоро всё поплывёт перед глазами, Агата вскочила со стула. Поёжилась, взглянула на часы. Уже перевалило за одиннадцать. Ночь прильнула к единственному окну в конце коридора и пристально смотрела на одинокую посетительницу, изучала, устрашала... Агате захотелось домой, в тёплую постель... накрыться одеялом с головой и... *«Сон забирает одну треть человеческой жизни. Много. Значит можно с этим подождать...»*.

Наконец дверь всё такого же белого цвета (*какой ещё она может быть?*) открылась. Аня стояла на пороге, и лишь лёгкое прикосновение врача заставило её пошевелиться. Агата сделала шаг навстречу и замерла, заглянув в серые глаза. Отрешённость немного отпустила, а на её место пришла... Агата не могла понять, чего именно во взгляде этой девочки больше: отчаяния или боли. Тихая, скромная ученица десятого класса, о которой почти все педагоги не могли сказать больше одного предложения. «Серые мышки» – именно к этой категории относили Аню – не интересны окружающим. Ведь она сама не могла не только о себе заявить,

но и голос повысить. А помочь ей никто не хотел. Уж слишком тяжёлое это дело – копаться в чужой душе. Да ещё в такой, где на поверхности ничего нет. Но там, глубже, слишком много хитросплетений.

Агата невольно наблюдала за сероглазой девочкой, пытаясь понять, безразличие ли скрывается за смущением или наоборот. Закомплексованность бросалась в глаза, и причина крепко укоренившихся фобий в голове пятнадцатилетнего подростка была Агате известна. Отличаясь от сверстников, и при этом, убеждая себя, что не в лучшую сторону, Аня добровольно отстранялась от всех, пряталась за своими иллюзиями, искренне веря, что они её защитят. О том, как мечты могут разочаровывать, ей ещё предстояло узнать. А на данном этапе жизни... Немодная и неновая одежда, отсутствие макияжа и лёгкости в поведении, чрезмерная скованность – в школе это отличный повод для насмешек и издёвок. Но тихая и неприметная Аня не сетовала. Агата никогда не слышала от неё жалоб. Только молчание... в ответ на всё, что с ней происходило.

После разговора с врачом, Агата и Аня покинули больницу. Когда они оказались на улице, опять возникла проблема, как добраться теперь уже домой. Но этот, казалось бы, сложный вопрос сам собой разрешился, когда, отделившись от дерева, к ним подошёл едва знакомый водитель.

– Вы? Вы ещё здесь?

Незнакомец не спешил отвечать. Взгляд его проницатель-

ных, умных глаз скользнул по Агате, задержался на Ане, и только после этого он сказал:

– Идёмте. Отвезу вас обратно.

– Вы столько ждали, чтоб отвезти нас обратно? – не переставала удивляться Агата.

– Ловить попутку в такое время – не самая хорошая идея. Замечание верное, но оно ничего не объясняло.

– Это ведь моя головная боль. Вы ничем нам не обязаны.

– А я по собственному желанию.

– Какие у вас благородные желания...

– Будем спорить или всё-таки поедем? – спокойно спросил незнакомец.

Агата не ответила – поняла, что в этом нет необходимости. Всю дорогу она молчала и смотрела в окно, лишь изредка посматривала на немногословного благодетеля. Подумала, что лицо его ей знакомо, и только. Больше никаких подробностей память не выдавала. От такого незначительного факта или по наивности, но было ей спокойно оттого, что этот случайный встречный рядом.

Выйдя из машины у самого подъезда, Агата поблагодарила за помощь, молчание, поданную руку. При свете фонарей она задержала взгляд на незнакомце. Сомнения подтвердились: сегодня они встретились не в первый раз.словно прочитав её мысли, мужчина сказал:

– Да, не в первый раз мы встречаемся. Во второй.

– ...Я так и подумала... Только не могу припомнить, когда

и где...

– Я вас чуть не сбил неделю назад.

– А-а... – Агата мгновенно всё вспомнила. – Вы меня узнали?

– Узнал. Поэтому остановился. На красный больше не переходите?

– Уже целую неделю...

– Что ж...

– Я отведу Аню домой.

– Что вы так торопитесь прощаться? Я так понимаю, здесь живёт Аня. А вы где?

– Тоже здесь. Аня на третьем, а я на втором. Прямо под ней. Вон её окна... – Агата запнулась, когда увидела тёмные окна – чего она никак не ожидала. – Странно, что свет не горит. Мама Ани должна быть дома...

– У вас тоже темно.

– Потому что меня нет... Нам пора... Спасибо за всё...

– До свидания, – попрощался незнакомец и сел в машину.

Только тогда Агата тихо сказала:

– Прощайте, мистер Икс.

Поднимаясь на третий этаж, Агата невольно вспомнила всё, что ей было известно о семье Ани... Семья, к сожалению, громко сказано. Из родителей только мать и была. Отец – личность неизвестная. Во всяком случае, Агата никогда его не видела. Только слышала, что он давно то ли ушёл, то ли сбежал, и судьбой дочери не интересовался. Неудачи

в личной жизни сильно подкосили Анину маму. Зациклившись на себе, она старалась утопить печаль на дне стакана, что никак не получалось. Но Ольга Александровна не сдавалась. Стаканы увеличивались, а вместе с ними и количество содержимого. Аня пыталась бороться, но получалось у неё плохо, так как мама ничего плохого в своём увлечении не видела.

Откуда это всё было известно Агате? Такое сложно утаить, особенно если скрыть и не пытаются, а наоборот, выставляют на всеобщее обозрение. Именно так и поступала Ольга Александровна, желая таким поведением вызвать жалость к себе. Агата пересекалась с ней очень редко, но успела оценить её тяжёлый характер и, пожалуй, самое главное «достоинство» – умение слышать только себя.

– У тебя ключи есть? – Спросила Агата, не зная, какой ответ обрадует.

Аня лишь отрицательно качнула головой. Тогда Агата позвонила. Тишина за дверью насторожила. Агата позвонила ещё раз, и ещё раз, и, наконец, послышалось усталое шарканье, в котором отчётливо звучало недовольство. Напряжение скользнуло по вискам, участив сердцебиение. Не надеясь на приятную беседу, Агата мысленно подбирала слова, выстраивая их в не слишком замысловатые предложения, но, когда дверь распахнулась, все мысли разлетелись в разные стороны, оставив вместо себя пустоту. Неподвижные мутные глаза смотрели спокойно, без истерики рассказывая,

как же всё опостылело, включая визиты соседей в столь позднее время. Заметив дочь, Ольга Александровна недовольно скривила губы.

– Что ты натворила? – Вопрос прозвучал безразлично: ни участия, ни заботы в голосе.

Но вместо Ани ответила Агата:

– Здравствуйте, Ольга Александровна. Аня ничего не натворила.

– Ей же лучше.

– Вы позволите войти?

Пропустив дочь, мать опять встала в ту же позу, перегородив вход.

– Уже поздно.

На другой приём никто и не рассчитывал.

– Что ж, поговорим здесь. Я возила Аню в больницу... – Голос дрогнул, но Агата продолжила: – На неё напали и избили.

– И что?

Равнодушие соседки стало раздражать.

– У неё лёгкое сотрясение мозга, ссадины и синяки по всему телу. Но это не самое страшное. Она очень подавлена из-за случившегося.

– Сидела бы дома, ничего бы не случилось.

– ...Её вины здесь нет.

– Тогда зачем пришли?

– Привести вашу дочь и узнать, собираетесь ли вы что-то

предпринять.

– Например?

– ...Заявление написать... Аня ведь пострадала...

Лицо Ольги Александровны искривило недовольство.

– Ага! Спешу и падаю!

Агата только набрала воздух, но промолчала.

– Было бы из-за чего бучу поднимать, – продолжила мама Ани. – Жива, и хорошо. А то, что получила, так это ей на пользу пойдёт. От пары синяков ещё никто не умирал.

– ...Что... Что вы говорите? Она так плакала...

– Уже, как я погляжу, не плачет.

– ...Вы ничего не сделаете?

Повернувшись боком, показывая, что разговор подошёл к концу, Ольга Александровна выпалила напоследок:

– Ваше дело учить, а всё остальное вас не касается. Ишь ты, благодетельница нашлась здесь. Никто вас ни о чём не просит. Как-нибудь сами управимся.

Обшарпанная дверь с грохотом закрылась, оставив Агату наедине с собой. Когда шок немного отступил, она чуть не принялась барабанить в дверь, коря себя за то, что оставила Аню с этой женщиной. Нет-нет. Это не женщина, а чудовище... Тут-то Агата вспомнила, что это чудовище – её мать! Ничего не оставалось, как развернуться и уйти.

Шум раздражал утомлённое бессонницей сознание. Даже в учительской его было слишком много. И куда от него деть-

ся? Присев за стол, Агата опустила голову, чувствуя, что глаза вот-вот закроются. О том, как будет вести урок, она старалась не думать. Да и вообще думалось с трудом: лишь суффиксы и окончания, без точек и запятых... Бунт в голове, не иначе.

– Агата Георгиевна, вы плохо спали?

Подняв голову, Агата сразу же наткнулась на искажённое улыбкой лицо Игоря Константиновича. Совпадение ли то, что он преподаёт физику? В школьные годы Агата не любила физику. Может, поэтому и он ей не нравился?

– Я не выспалась, – ответила Агата, надеясь на понимание со стороны учителя физики. Напрасно.

– И по какому поводу вас замучила бессонница?

– Может быть, я поздно легла спать. Сразу уснула, но рано встала, поэтому не выспалась. Такой вариант вам в голову не приходил?

– Возможно. Тогда почему же вы поздно легли спать? – не унимался Игорь Константинович.

– Об этом я не собираюсь вам рассказывать.

– Я и не ждал от вас покаяний.

– Каяться мне не в чем. Да и вы не священник. Или я ошибаюсь?

– С бессонницей сложно бороться. Но у меня есть пару рецептиков. Если хотите, я с вами поделюсь. – Эльга Леонидовна бесцеремонно вставила свою реплику, что, впрочем, уже никого не удивляло.

– Спасибо, но я не страдаю от бессонницы, – поспешила заверить Агата.

– Разве? А мне показалось...

– Вот именно – вам показалось.

– А я с удовольствием выслушаю ваши советы. Бывает, редко конечно, но всё же. Полночи мучаюсь. Никак уснуть не получается. Чтением только и спасаюсь. – Дарья Денисовна смотрела поверх очков, сдвинув брови. Агата засомневалась, что ДД заинтересовала только последняя часть разговора, ведь до этого момента она внимательно слушала, делая вид, что изучает классный журнал.

– Ну конечно я с вами поделюсь. И вам расскажу, Игорь Константинович.

– О нет! – Замахал руками Щетников. – Мне это ненужно.

– Неужели ученики вас не доводят?

– У меня крепкие нервы, – не переставал улыбаться учитель физики.

– Это пока. Вы ещё молоды.

– Когда возникнет такая проблема, я обязательно с вами проконсультируюсь.

– Если я буду жива к тому времени. Не забывайте, молодой человек, о моём возрасте.

– Вы ещё всех нас переживёте.

В учительскую вбежала Света. Слегка запыхавшись, она мгновенно стянула лёгкий разноцветный шарфик и забросила его в сумку. Опаздывать всегда и везде вошло у неё

в привычку. На работу тем более. И не важно, что жила она в нескольких остановках от школы. Как ей это удавалось, оставалось для Агаты загадкой.

– Всем доброе утро.

– Допустим, доброе оно не для всех.

– На себя намекаете, Игорь Константинович? – Агата смотрела исподлобья, стараясь выразить во взгляде всё, о чём не могла сказать вслух. Но секунду спустя смягчилась. Вглядевшись получше, ей даже стало жаль угловатого, в чём-то несуразного, но с большим апломбом молодого мужчину в смешном костюме тёмно-коричневого цвета. Ему всего-то чуть больше тридцати, но неудовлетворённость жизнью говорила в нём так громко, что не заметить и не услышать было невозможно. Ехидно-снисходительное отношение к людям всего лишь маскировка немалого количества комплексов, и Агата это понимала. Но понимал ли это сам Игорь Константинович? Скорее нет, чем да. Иначе он давно бы заметил, с какой лёгкостью отталкивал от себя окружающих. И только какое-никакое воспитание не позволяло ему наслаждаться одиночеством в полной мере.

Света глянула на часы и снова заторопилась.

– Вот-вот прозвенит звонок. А я ещё не привела себя в порядок.

– Вам это и не нужно, Светлана Сергеевна. Вы отлично выглядите.

– Спасибо, Игорь Константинович. И всё же пару минут

я потрачу на себя.

– Конечно, конечно. Это ваше право.

Педагогический коллектив дружно забежал по учительской, спешно заканчивая все свои дела. Взяв журнал десятого класса, Агата встала и направилась к двери. Идти заранее в класс не хотелось, но и здесь оставаться дольше не было никакого желания.

– Надеюсь, ваши красные глаза не помешают вам вести уроки.

Агата даже не удостоила учителя физики взглядом.

– Если помешают, позову вас на помощь.

Агата вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Идя по коридору, она так же, как и в первый рабочий день, старательно обходила препятствия, и останавливалась, когда навстречу ей неслись ученики младших классов, боясь быть сбитой с ног. Зайдя в класс, Агата наткнулась на толпу учеников вокруг одной из парт. Посмотрела и отвернулась, не увидев в этом ничего необычного. Смех, сопровождавшийся жуткими комментариями, подкорректировал её позицию. Агата подошла ближе и только тогда увидела, что десятиклассники внимательно смотрели что-то на телефоне. Они настолько были увлечены просмотром видео, что не сразу заметили присутствие учителя. А заметив, растерялись.

– Что смотрите?

По недовольному взгляду Тулина Агата поняла, что её совсем не ждали.

– Фильм.

– Видимо, очень смешной.

Сдавливая смех, некоторые отвернулись.

– Смешной.

– Я могу взглянуть?

– Вам не понравится, – бросил Тулин.

– Откуда ты знаешь?

– Вы такое не смотрите.

Тулин спрятал мобильный. Впрочем, Агата и не собиралась настаивать.

Прозвенел звонок, а вместе с ним в класс влетали остальные ученики.

– Рассаживайтесь скорее. Урок уже начался.

Подождав немного, когда все успокоятся, Агата открыла журнал.

– Начнём с домашнего задания. Кто хочет блеснуть знаниями? Смелее. Инициативу я оценю.

– А переключка? Вы забыли отметить отсутствующих.

– Не надо выкрикивать. Я и так вижу, кого нет.

– У неё уважительная причина.

Удивлённый взгляд Агаты впился в крашеную блондинку. Будущая модель, если не завянет до этого времени.

– У неё – это у кого?

– У Росиной.

– Тебе известна причина отсутствия Ани?

Вздыхнув, девушка закатила глаза.

– Слышала, что она не совсем здорова...

– И что же с ней случилось?

– ...Упала... и ударилась об камень.

И сама же засмеялась, уверенная, что удачно пошутила.

Но наткнувшись на взгляд Агаты, замолчала.

– Надеюсь, ты так же смело расскажешь об итогах Первой мировой войны. Это было домашним заданием – на тот случай, если ты забыла.

Просьба учителя ввела девушку в ступор.

– Что же ты молчишь, Ира? Мы все тебя внимательно слушаем.

Ира снова закатила глаза.

– Ну... Мм... А можно в следующий раз ответить. Я не готова, – наконец-то призналась девушка.

– А на следующий урок ты подготовишься?

– ...Да... Обязательно.

– До сих пор я слышала от тебя одни обещания.

– Ну, я przygotowуюсь, обязательно. Просто вчера у меня не было времени.

– Если ты не изменишь отношение к учёбе, у тебя всегда не будет времени.

– Я выучу домашнее задание на следующий урок, вот увидите, – с подозрительной улыбкой пообещала Ира.

Зная, что обещание не будет исполнено, Агата, всё же, сделала вид, что поверила.

– Что ж, раз ты обещаешь... Не подведи саму себя.

В больших карих глазах мигал знак вопроса, свидетельствуя о том, что их обладательница ничего не поняла.

– Так кто ответит на мой вопрос?

Но вместо ответа Агата опять услышала вопрос:

– Агата Георгиевна, а что случилось с Росиной?

– Это вы мне скажите, что случилось с Аней? Я так поняла, вы знаете.

– Никто не знает.

– Как же так? Ира вот знает.

– Я не знаю, что с Росиной. – Обиженно буркнула девушка. – Мы с ней не подруги.

– Об этом мне известно. – Агата воспользовалась паузой, чтобы уйти от неподходящей темы разговора с классом. – Ладно. Давайте вернемся к уроку. Итоги Первой мировой... Кто расскажет?

– Как прошёл рабочий день?

Игорь Константинович любезно открыл перед Агатой дверь, пропуская её вперёд. Сдержанное «спасибо» в ответ. Поправила чёлку, сбитую ветром, и вперёд без промедлений. Не хотелось утомительных разговоров... бессмысленных, пустых. Не до них... Не до него... Сумку на плечо и стук каблуков по ступенькам, по асфальтированной дороге...

– Вы куда-то торопитесь?

– Да, Игорь Константинович. Тороплюсь, – не сбавив шаг,

ответила Агата.

– За вами не угнаться.

– Так вы и не гонитесь.

Агата едва повернула голову в сторону собеседника, увидела знакомую улыбку, и вновь отвернулась. Мыслями она была не здесь, не с учителем физики, колкости которого уже не задевали.

– Вы так и не ответили на мой вопрос.

– На какой?

– Как прошли уроки?

– Как обычно.

– Коротко и ясно. Вы себе не изменяете...

– С вами? Вот ещё.

– Что-что?

– Говорю, что у меня срочное дело.

– Значит, не хотите мне уделить минутку, вторую.

– У меня их нет лишних минуток.

И вроде бы всё предельно ясно, но Игорь Константинович не отставал и никуда не сворачивал. С минуту он шёл за Агатой и молчал, изучая её затылок, пока не споткнулся. Выругавшись, остановился и посмотрел на незамеченный им бугор. Агата тоже остановилась.

– Всё нормально?

– Вполне.

– Значит, за вас можно не переживать?

– А вы за меня переживали?

– С чего вдруг? Нервы у вас железные, спите хорошо. В жизни полный порядок... С такими показателями вы – последний человек, за которого нужно переживать.

– Раз я такой надёжный, провожу вас домой.

– Не нужно. А то опять споткнётесь.

– И всё же...

– Обещаю: на красный цвет перебежать дорогу не буду. Всего хорошего.

Не дожидаясь ответа, Агата ринулась вперёд. Она не оглянулась, а завернув за угол, облегчённо вздохнула, почувствовав, что Щетников больше не смотрит ей в след.

Задвинув учителя физики в самый дальний угол, Агата зашла в родной подъезд, но прошла мимо двери своей квартиры и поднялась на третий этаж. Позвонив один раз, она сделала шаг назад. Не хотела смотреть в глаза Ольге Александровне с такого уязвимого расстояния. Этого и не произошло. Сначала Агате показалось, будто дверь открылась сама по себе, но потом из-за неё выглянула Аня. В длинной пижаме и босыми ногами, она молча смотрела то ли на гостью, то ли мимо неё, после чего опустила голову и, развернувшись, поплелась в комнату, почти прошептав *«проходите»*. Агата зашла и прежде, чем закрыть за собой дверь, поискала глазами выключатель. Прислушавшись и услышав только тишину, она разулась и прошла в комнату.

Поджав ноги под себя, Аня сидела на подоконнике, отвернувшись к окну. Но всё, что там, за стеклом её совсем не ин-

тересовало. Безразличие в серых глазах ничем не разбавлялось. От этого комната, и улица, и всё вокруг казалось таким же унылым и серым. Агата подумала, что попала в царство грусти, и от этого ей захотелось взять краски и разукрасить мир заново во все цвета радуги... Как хочется иногда быть волшебницей...

– Здравствуй, Аня.

Аня медленно повернула голову. И, кажется, улыбка мелькнула на бледных губах... Или показалось?

– Здравствуйте, Агата Георгиевна.

– Как ты?

Аня снова отвернулась, прислонившись лбом к стеклу.

– Не знаю... Нормально.

– Ты одна?

– Да. Мама ушла...

– Когда придёт?

– Не знаю.

– А ты когда в школу собираешься?

Аня съёжилась, словно от холода.

– ...Если бы можно было, я бы совсем не вернулась.

– Но вернуться надо, – твёрдо сказала Агата, перечеркнув остальные варианты.

– Я просила маму, чтобы она меня в другую школу перевела... – Пожаловалась Аня. Она уже поняла, что желание сбежать учитель истории не одобрит, но не сдержалась. – Ей эта идея не понравилась.

– Почему? Почему ты хочешь перейти в другую школу?

– Так будет лучше...

– Для кого?

– Для меня.

– Аня... – Агата сделала шаг вперёд. – В том, что произошло накануне, участвовали... твои одноклассники?

Молчание... Сейчас оно было тяжёлым, как небосвод на плечах у титана Атласа. Походив на неуклюжую игру бездарного пианиста, тишина резала слух, строя гримасы в зеркале. Невыносимо... Либо уши закрыть, либо уйти... Агата предпочла заглушить молчание словами.

– Аня! Если тебе есть, что мне рассказать...

– Пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чём. Я вас очень прошу... Не спрашивайте. Пожалуйста...

Дрожащий голос испуганной девочки задел до глубины души. Агата мысленно обругала себя, пожалев, что вообще спросила об этом.

– Не надо... Не плачь. – Агата подошла к Ане так близко, что могла рассмотреть каждую складку на лбу. – Я больше не буду спрашивать.

«Зачем мне об этом знать? Не зачем...».

Аня успокоилась. Склонив голову на бок, она провела пальцем по стеклу.

– ...Сегодня целый день пасмурно. Я всё жду, что пойдёт дождь. Но мои ожидания напрасны.

– Но это пока... Вечером... возможно...

– Я люблю дождь.

– А я нет.

– Он не отвлекает. Наоборот – помогает сосредоточиться.

– Дождь навивает грусть.

– Вы боитесь грусти?

– Нет. Но она мне порядком надоела. И тебе не стоит ею увлекаться. Грусть как опиум: легко затуманивает разум, и к ней быстро привыкаешь.

– Как-нибудь объявлю ей бойкот.

– Для этого есть отличный повод. – Агата придала своему голосу бодрости, желая подать пример. – В следующую пятницу весь твой класс идёт в театр. Надеюсь, к этому времени ты поправишься и пойдёшь вместе со всеми.

– Я не пойду, – резко ответила Аня.

Опешив, Агата спросила немного погодя:

– Ты не хочешь в театр?

– Хочу. Но не пойду.

– Очень жаль... Я тебя записала...

– В другой раз.

– Конечно... Знаешь, сегодня в классе...

Приподняв голову, Аня уставилась на Агату.

– Что? Что сегодня произошло?

– ...Ничего не произошло. Просто... Все хотят пойти.

– А я не хочу.

...Агата не просила Аню проводить её до дверей. Лишь обернулась напоследок. Девочка всё так же смотрела в окно,

уйдя в себя с головой. Там, в своих мечтах она, возможно, была счастлива. И именно по этой причине никого не приглашала. Утратив всякий интерес к реальности, она бродила по просторам своих миров, снова и снова пересматривая всё, что было создано ею, придумано и старательно разрисовано. Ночами напролёт она создавала иную реальность, не седуя на постоянное недосыпание. И каждый раз, ложась в постель, она надеялась, что останется в сказочном мире навсегда. Но разочарование было неизбежно...

Ничего не сказав, Агата выключила в коридоре свет и вышла, захлопнув дверь. Оказавшись между вторым и третьим этажами, она остановилась. Что-то хотела сделать, но никак не могла понять, что именно. Ничего на ум не приходило. Мысли вихрем проносились в голове, сменяя друг друга. Кадр за кадром. Зацепиться сложно... невозможно. Решив, что пустота иногда бывает нелишней, Агата закрыла глаза и потрусилась головой, словно вытряхивала всё её содержимое. Добившись желаемого результата, она спустилась к своей двери. Ключи где-то затерялись в сумке, и ей пришлось основательно порыться, чтобы найти их. А когда нашла, наконец, подняла голову и увидела перед собой одноклассника Ани – Илью.

– Здравствуйте, Агата Георгиевна.

Обычная приветливость куда-то подевалась. Агата даже не попыталась натянуть улыбку. Вежливость и фальшь так сложно перепутать, особенно в такие моменты.

– Здравствуй ещё раз.

Взволнованность сразу бросилась в глаза. Высокий, с развитой мускулатурой светловолосый парень стоял, переминаясь с ноги на ногу. Агата бы рассмеялась, если бы ни хмурый взгляд. Что ещё случилось? И почему они идут к ней? Агата ведь не классный руководитель. Но не выслушать она не могла.

– Что случилось?

– С чего вы взяли, что что-то случилось?

– Если я ошиблась, значит, до завтра.

– ...Вообще-то случилось.

– Тогда выкладывай. Ты же за этим пришёл.

– ...Да... Хотел вам... кое-что показать.

– Показывай, не тяни время.

Илья достал из кармана телефон, нажал нужные кнопки и протянул его Агате.

– Смотрите.

И Агата смотрела...

«Ночь, улица, фонарь, аптека...». Почему-то именно эта строчка пришла в голову. Свет от фонарей действительно тусклый и (О! Как же вы правы, Александр Александрович) бессмысленный. Зачем его снимать? И такую знакомую улицу, по которой Агата ходит каждый день? Никого. Ни одного прохожего. Как в тот вечер... А, может, это он и есть? Да разве отличишь один вечер от другого? Чьи-то голоса за кадром, вдалеке. Они всё слышнее. Уже видно кому они при-

надлежат... Лучше бы это оставалось тайной...

Первая мысль – они все одноклассники. Но это не помешало окружить Аню и толкать из стороны в сторону. Поначалу Агата ещё слышала мерзости, которые каждый по очереди выкрикивал. Потом слушать перестала. Просто смотрела как Костя, Ира и Настя таскали Аню за волосы, а когда она упала, принялись пинать ногами. То, что она плакала, ничего не задевало. Мольбы только раздражали, особенно Иру.

– Заткнись. Тебе никто не поможет. Здесь никого нет. Да и кому ты нужна? Ты – ошибка природы.

Аня, несмотря на свою хрупкость, сопротивлялась. Оттолкнув Иру, она вскочила на ноги, но попытка убежать не увенчалась успехом. Костя схватил её за волосы и вновь повалил на землю. Разозлённая Ира с разбегу ударила Аню по голове. От боли она застонала, закрыв лицо руками. Костя присел рядом.

– Ну а теперь поцелуешь меня?

– Пожалуйста, оставьте меня, – простонала Аня.

– Поцелуешь? – со злостью переспросил Тулин.

Настя только изредка мелькала в кадре, громко смеялась и выкрикивала короткие фразы. Вот и сейчас она весело сказала:

– Да она не умеет.

– Так это несложно. Я тебя научу. И не только этому.

Взяв Аню за запястье, Тулин отдернул руку и только тогда все заметили кровь.

– Ира, ты ей башку разбила, – раздался голос за кадром.

– А чего сразу я?

– Ты же её ударила. И вообще, хватит её чморить. Давайте расходиться. Поржали и хватит.

Костя повернул голову в сторону юного режиссёра.

– Твоё дело маленькое – снимать. А когда нам валить, не тебе решать. И поаккуратней с моим айфоном. Потом не расплатишься.

Рукав Аниной рубашки не выдержал натиска и порвался. Тогда Костя схватил Аню за горло.

– Хватит стонать. Идиотка.

– Оставь её. Кто-то идёт.

Камера повернулась туда, где показался чей-то силуэт. В темноте, да ещё издали сложно было рассмотреть кто это. И, похоже, никто из них не разглядел. Но Агата разглядела на экране при плохом освещении... себя. Именно её появлением завершилась эта ужасная съёмка. Оставив Аню, все четверо убежали.

Конец истории.

Агата молчала. Слова стали комом в горле. Всё думала, сопоставляла, а когда осознала увиденное до конца, задрожала. Смахнув слезу со щеки, она посмотрела на Илью. Низко опустив голову, он не поднимал глаза, предпочитая рассматривать коричневую плитку под ногами.

– Откуда это у тебя?

– Тулин показал.

– Значит, над этим вы сегодня в классе смеялись?

– ...Мы не смеялись... Я не смеялся...

– Поколение... Снимать такое на камеру и демонстрировать, как подвиг. Ещё и в интернете выставляют на всеобщее обозрение. Наверное, герои этого видео гордятся содеянным? Кто снимал? Кто четвёртый?

– Не знаю.

– Не уж-то?

Илья наконец-то поднял глаза.

– ...Кивайко, наверное. Он и Тулин обычно вместе тусуются.

– И это удивляет.

– Я не знаю, что мне делать.

– Зато я знаю. – Агата отвернулась. – Иди, Илья. Иди.

– ...До свидания... – попрощался десятиклассник, и добавил скрипучим голосом: – Вы не сильно переживайте. Такое часто случается...

Агата ничего не ответила. Просто не знала, что на это сказать...

Минута славы

Докурив сигарету, Кирилл запрокинул голову, чтобы посмотреть горит ли ещё свет в окнах на десятом этаже. Свет не горел... Надежда на то, что его ждут, растворилась в непроглядном мраке, опустошив душу. Обида подступила к горлу, сбив дыхание. Очередное предательство, и к этому невозможно привыкнуть. Как больно осознавать, что самому родному человеку ты не нужен... Значит, и домой не стоит идти. *В отместку. Пусть поволнуется...* Что-то Кириллу подсказывало, что волноваться мама не будет. От этой мысли стало так горько. Она даже не позвонила ни разу. А может, не услышал звонок? Задержав дыхание, он достал телефон, и выдохнул лишь, когда тёмный экран вспыхнул. Пропущенных звонков от мамы не было. Вообще никаких звонков не было...

Цифры в правом верхнем углу показывали, что скоро полночь, а значит, ночь нескоро поменяется с днём местами. Как убить время? Как дожидаться рассвета и для чего его ждать? От ветра, порывистого, холодного, Кирилл поднял ворот куртки, но согреться всё равно не получалось. Спрятав руки в карманы, он встал и прошёлся вокруг скамейки. С каждой пройденной минутой глаза слипались всё сильнее, а идея ночевать на улице всё больше походила на бред. Но сдаться вот так, легко и просто Кирилл не желал. С пол-

часа он обдумывал, как скоротать бесконечные одинокие часы. Но так ничего и не придумал. К тому же вспомнил, что утром в школу идти... *Нет. Всё-таки плохая идея. Точно плохая.*

Постояв в раздумьях, Кирилл вошёл в тёмный подъезд. Лампочка уже неделю как перегорела, но новую никто не спешил вкручивать. Решил обойтись без лифта, лишь бы не нарушить тишину. Механизмы тоже устают. Им, как и людям, периодически необходим покой. Кирилл молча преодолел ступеньку за ступенькой. Этажи медленно плыли перед глазами, сменяя друг друга. Перед тем, как позвонить, помешкал. Понимал, что разбудит сонное царство. Мама, возможно, промолчит. Но её сожитель точно молчать не будет.

Дверь открыла мама. Молча впусив сына, она, протирая глаза, наблюдала, как он небрежно повесил куртку, как разулся и не поставил кеды на полку для обуви... Все эти мелочи вызывали в ней недовольство. Но никаких замечаний по этому поводу. Сейчас это было второстепенным. Зайдя за сыном на кухню, она прикрыла дверь, и лишь тогда заговорила:

– Кирилл, почему ты так поздно пришёл? Ты же знаешь, Вите рано вставать.

Сын уставился на мать, мысленно упрекнув её за непонимание.

– Это самое главное?

– ...Я за тебя волновалась, – добавила молодая женщина, уловив в голосе сына... обиду?

– Я вижу.

– Не груби матери.

– Ты у меня ключи забрала, – сказал Кирилл, уняв дрожь. – Так бы не приходилось открывать мне дверь.

– Ты же знаешь, что у нас есть только два ключа.

– Можно сделать дубликат.

– ...Это ни к чему. Просто приходи вовремя домой.

– Чтобы сидеть на кухне? Он скоро меня вообще из квартиры выпрет, а ты и слова не скажешь.

– Скорее я тебя выгоню, если ты за ум не возьмёшься.

Кирилл вспомнил о своей неудовлетворительной, как выразился классный руководитель, успеваемости, с которой он ничего не мог сделать. Не было у него для этого ни желания, ни возможностей.

– В школе всё в порядке, – и отвёл глаза.

– Не обманывай меня. Я знаю, как ты учишься... Плохо ты учишься. А ещё прогуливаешь.

– Ты в школу ходила? – Кирилл заглянул в материнские глаза, ухватившись за проблеск надежды, но услышал лишь оправдательное:

– Мне позвонили.

– А самой пойти нет времени.

– Я работаю.

– Периодически.

– А кто тебя содержит? Твой папаша даёт очень мало.

– Ты на меня почти ничего и не тратишь. Ничего мне не покупаешь. И вообще...

– Голодным ты не ходишь.

Кирилл отвернулся.

– Я спать хочу. Так что давай закончим.

Мать облегчённо вздохнула. Ей и самой не хотелось говорить, да ещё и в такой час.

– Ладно. Утром поговорим.

Молодая женщина ушла, а Кирилл остался, так как с некоторых пор спал на кухне. Погасив свет, он прилёг на раскладушку, не обратив внимания на скрип. Он лежал на спине и смотрел в потолок, не находя в нём ничего интересного. Но об этом он не думал. Все мысли о другом... О жизни, в которой он не видел смысла...

Об этом же Кирилл подумал, когда проснулся – не от звона будильника, а от голода. Открыв холодильник, он изучил его содержимое за десять секунд и понял, что отправится в школу на пустой желудок. Решил обойтись чашкой кофе или чая – что найдёт, но и здесь не повезло. Из крана не вытекло ни капли воды. Выругавшись, Кирилл быстро оделся и ушёл, предварительно заглянув в мамин кошелёк – даже на скромный обед нужны деньги, а взять их негде.

В десяти метрах от школы Кирилл остановился, зашёл за аккуратно подстриженные кусты и долго смотрел...

– Чего стоишь здесь?

Костя появился неожиданно, что совсем не обрадовало. Хотелось побыть в одиночестве. Ни с кем не говорить, не притворяться. Просто курить и наблюдать, как нелюбимая школа наполнялась учениками. Кирилл нарочно оттягивал момент, когда сам переступит порог четырёхэтажного здания и смешается с остальными, став на время неотъемлемой частью учебного процесса. От бессонной ночи болела голова, отнюдь не располагая к шумным переменам и бесконечно длинным урокам. Ему стало жаль, что он как-то незаметно для себя утратил интерес к беззаботной школьной поре, которая вот-вот закончится, а вслед за ней ничего не наступит. И этого он по-настоящему боялся.

С появлением Тулина мысли рассыпались, а их остатки были спрятаны в самый дальний ящик. Сознаться в плохом настроении, даже другу (?) не хотелось.

– Курю. Не видишь, что ли?

– Скоро звонок.

– И что? – равнодушно спросил Кирилл. – Соскучился по школе?

– Первый урок – физика. А физик не пускает после звонка.

– Успеем.

– Чего кислый такой?

– Да так...

– Отчим достаёт?

– Он мне не отчим.

– Ну, да. Он – хахаль твоей мамыши.

«Дебильный смех... Хоть бы заткнулся уже...».

– Что ты несёшь? – вспылил Кирилл.

– Ладно, не мычи. Идёшь? Ждать не буду.

– Иду, иду...

Выкинув сигарету, Кирилл поплёлся за Костей. Когда зашли в класс, прозвенел звонок. Кинув кулёк с несколькими тетрадами на парту, Кирилл присел, низко опустив голову. Проигнорировав появление учителя в классе, он продолжал смотреть на мелкие надписи в углу стола и тогда, когда его попросили рассказать домашнее задание. Посмотрев на Игоря Константиновича исподлобья, он только и вымолвил:

– Я не готов.

Скрестив руки на груди, Щетников смотрел на непутёвого ученика, не скрывая презрения, видя в нём объект для сарказма.

– Я бы удивился, если бы ответ был иным.

– Зачем тогда спрашиваете?

– Удостовериться в своей правоте.

– Удостоверились?

Короткий вопрос Кирилл практически прошептал и никак не ожидал, что его услышат.

– Как ты себя ведёшь на уроке? Хочешь, чтобы я на педсовете поставил вопрос о твоём исключении?

– За что?

– За прогулы, за плохие оценки, за хамство. Недостаточ-

но?

– Я вам не хамил.

– Встань. – Оскорблённый Щетников изменил тон, и голос повысил. – Совсем обнаглели.

Подавив огромное желание послать учителя подальше, Кирилл всё-таки встал.

– А теперь мы тебя внимательно слушаем. Первый закон Ньютона. Инерция и инертность. Вещай. Иначе в журнале появиться очередная двойка.

– Я не знаю. Не готов я.

– Тебе ли не знать об инертности? Именно это слово лучше всего сейчас тебе подходит. Отсутствие мозгов приводит, в конце концов, к плачевным результатам. Советую об этом задуматься, пока есть время. – Тяжело вздохнув, добавил: – Садись, Кивайко. Как понимаешь – два бала.

– Игорь Константинович, а, по-моему, вы цепляетесь к Кивайко. – Высказался Костя, принимая бесцеремонность как умение постоять и за себя, и за друга. Но главное – он не мог упустить отличный момент продемонстрировать себя классу своё особое положение. Тулин прекрасно знал, что захудалый учитель физики не позволит себе разговаривать с ним тоном, каким только что говорил с Кириллом. Статус его родителей ореолом сиял над головой, отбивая у всех желание связываться с распущенным отпрыском высокопоставленного папы.

– Костя, может, ты хочешь нам рассказать о первом законе

Ньютона? – спросил Щетников, выдержав паузу.

– Нет, не хочу. Пусть Романюк отвечает.

Ира, чья фамилия прозвучала неожиданно, встрепенулась, закрыв глянцевый журнал. Метнув недовольный взгляд в сторону Тулина, она надула покрашенные розовой помадой губы.

– Тебя спрашивают, вот и отвечай.

– Пусть тогда Одюкова ответит. Настенька, подай голос.

– Пошёл ты.

– За это можно и получить. Ты в курсе?

– Угомонитесь. Урок никто не отменял. Если желающих отвечать нет, пройдемся по журналу...

Весь урок Кирилл просидел молча, в то время как Тулин только и делал, что громко шутил по каждому поводу. Некоторые смеялись, некоторые косились в сторону «остряка», а Игорь Константинович старался пропускать всё мимо ушей, но к концу урока выдохся и всё-таки сделал замечание самому активному ученику. Тулин скривился, но не ответил. На этом противостояние закончилось.

Когда прозвенел звонок, Костя вышел первым, открыв ногой дверь. Скучный для него урок физики закончился и можно, наконец, уйти. Сорок пять минут бездарно потрачены, так хоть перемену провести с пользой для себя. И первое, что он решил сделать, это высказать своё мнение по поводу инцидента на уроке. Пройдя коридор наполовину, он остановился, обернулся, и только тогда увидел, что Кирилл

не идёт как обычно следом. Заторможенность, сопровождавшая неудачника-одноклассника с самого утра, рассердила Тулина. Он недовольно смотрел, как Кивайко медленно вышел из класса, как шёл, волоча ноги. Но несмотря ни на что Костя всё-таки дождался, чем удивил не только себя:

– Где ты потерялся?

– Это ты свалил как-то быстро.

– А что я там забыл?

– Ты ничего. А я...

– Что ты? Физикой заинтересовался? – съязвил Тулин.

– ...Если меня из школы попрут, то мать из дому выгонит.

– Забей. Никто тебя не отчислит. А если и так, что с того?

Я бы и сам свалил. Но предки хотят запихнуть меня в университет. На юридический. Хотят меня судьёй сделать. Прикинь – я судья.

Но Кириллу было не до смеха.

– Я думаю... Может, извиниться перед физиком?

– Рехнулся что ли? Он тебя реально опустил, а ты ещё извиняться будешь?

– Тебя, так точно никто не тронет.

– Ну и о чём речь?

– Сам знаешь.

Костя с призрением смотрел на друга, не испытывая ни сочувствия, ни понимания.

– Чего ты сопли распускаешь? Пожалеть тебя что ли? По головке погладить? – Помолчал, сделав вывод, и озвучил

его: – Ты такой же мудака, как и физик.

– Иди ты...

– Я-то пойду. А ты что делать будешь?

Развернувшись, Костя уверенным шагом пошёл прочь, почти сразу исчезнув в толпе. Кирилл продолжал стоять, размышляя, куда же идти ему. Никаких ориентиров и указателей...

Время незаметно убегало, оставляя всех позади. Нет, оно не спешило, и не замедляло свой ход, как кажется порой. Ведь время никому не подчиняется и никому не принадлежит, и оно пользуется этим в полной мере. Вот и сейчас, когда прозвенел звонок, объявляя о конце пятого урока, одни недоумённо смотрели на часы, другие торопили приближение вечера. Вскакивая с мест, ученики мыслями уже были не в классе. Поэтому для некоторых оказалось неожиданным, когда Агата назвала четыре фамилии и попросила задержаться. Тулин, Кивайко, Одюкова и Романюк остались сидеть на своих местах, с завистью провожая одноклассников. Желание узнать причину вопиющей несправедливости отчётливо читалось в их глазах. Но Агата не спешила с объяснениями. Для начала ей хотелось повнимательней рассмотреть юные лица, увидеть то, чего раньше, возможно, не замечала. Чтобы понять, кто же на самом деле перед ней: оступившиеся подростки или уже сформировавшиеся взрослые личности с чудовищными наклонностями.

– И по какому поводу вы нас задержали? – не выдержав, спросил Костя.

– По поводу видео, которое я недавно посмотрела.

– Какое нам дело, что вы недавно смотрели?

Первый вывод, сделанный Агатой: хамство из Тулина уже не выбить.

– Это касается непосредственно вас. Так что своё недовольство можете демонстрировать дома.

Гробовое молчание в ответ. Агата продолжила:

– Для меня стало настоящим открытием то, что я увидела. Несмотря на ваше поведение, я не думала, что вы можете быть такими... гнусными.

– Агата Георгиевна... – возмутилась Ира, но продолжить не смогла.

– Как вы могли так поступить с Аней? Что вы хотели показать и доказать таким низким поступком? Что вы крутые? Легко такими быть, когда вас четверо, а она одна. – Агата на каждом задержала взгляд. – Вы понимаете, какую травму вы ей нанесли? И я сейчас говорю не о её физическом состоянии.

Безразличие в глазах Тулина компенсировалось озабоченностью Иры и неподдельным испугом Насти. Кирилл низко опустил голову, так что выражение его глаз осталось для учителя загадкой.

– Кто вам показал?

– Никто, – ответила Агата, посчитав, что в данном случае

правда ничего не меняет. – Это видео в свободном доступе в интернете. Можете полюбоваться своим «подвигом».

– Как оно туда попало?

– Вам лучше знать.

– Ну, я выложил, – признался Тулин. Вины за собой он не чувствовал, поэтому не отвернулся. – И что теперь? Пожалуетесь родителям? Мне на это наплевать.

– Костя, зачем ты это сделал? – Настя искренне не понимала мотивов поступка одноклассника. – Я же просила тебя стереть всё...

Агата, напротив, не удивилась. Кто ещё мог выложить запись в интернет, как не хозяин телефона?

– Настя, а ты сожалешь только об этом?

– Мы же просто пошутили, – жалобно простонала Одюкова. Ни в чём подобном она до того вечера не участвовала. Возможно, поэтому не предполагала, что у невинной (на её взгляд) шалости будут последствия. Поставленная перед фактом, она испугалась, но только она.

– Жестокая шутка, тебе так не кажется? Или для вас это в порядке вещей?

– ... Что теперь будет?

Как заставить беззаботных подростков осознать свою жестокость, и не повторить ничего подобного впредь, Агата не представляла. Если они сами не поймут, никакие слова не помогут.

– Не знаю. Далеко не всё зависит от меня. Как вы себя

поведёте...

– А вы что намерены делать?

Кирилл наконец-то поднял глаза на учителя, и тут же опустил.

– Что я намерена делать? Было бы неплохо написать заявление в милицию. Пусть там разбираются.

– Пожалуйста, не делайте этого, – взмолилась Настя, представив ужас и разочарование в глазах родителей. – Мы больше не будем...

В другой ситуации Агата бы улыбнулась, но не сейчас.

– Мы, что в детском саду? Вы совершили ужасный поступок. Значит, вы должны понести наказание. За свои действия нужно отвечать.

– Зря потратите время. Никто нам ничего не сделает. – Тулин достал телефон, демонстрируя полное равнодушие ко всему происходящему. – Мне уж точно.

– Долго ты ещё будешь прятаться за спиной своего отца? А без него ты что-нибудь из себя представляешь?

Мгновенно покраснев, Костя вместо ответа вскочил с места и вылетел из класса, громко хлопнув дверью. Его позиция была предельно ясной.

– Кто ещё хочет последовать примеру Тулина? – Агата три секунды помолчала, подождав. Никто не двинулся с места, тогда она продолжила: – Так вот. Первое, чего я от вас хочу, так это – раскаяния. Второе – извинений перед Аней. И вы должны сделать это так, чтобы она вам поверила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.